Монтегю Родс Джеймс

Номер 13

Часть сборника

Экзорцист. Лучшие мистические рассказы

Монтегю Родс Джеймс

Номер 13

«Эксмо»

1904

УДК 821.111-312.2
ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

Джеймс М.

Номер 13 / М. Джеймс — «Эксмо», 1904

«…Сбегать вниз за книгой было минутным делом, и поскольку света в коридорах хватало, он без труда нашел дорогу назад, к собственной двери. Так он считал, по крайней мере, пока не повернул ручку и не толкнул дверь: она упрямо не хотела открываться, и он с удивлением услышал, как кто-то словно бы метнулся к ней изнутри. Все ясно – он просто ошибся. Где же его комната – правее, левее? Он взглянул на номер и увидел: «13». Следовательно, его комната должна быть слева. Там она и была. И только позже, когда он улегся в постель, и прочел свои вожделенные три-четыре страницы, и задул лампу, и повернулся на бок, его вдруг осенило: стало быть, вопреки тому, что на гостиничной доске внизу номер 13 не значится, комната с таким номером в гостинице определенно есть!…»

УДК 821.111-312.2
ББК ББК 84(4Вел)-44+84(7Сое)-44

© Джеймс М., 1904
© Эксмо, 1904

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 9

Монтегю Родс Джеймс
Номер 13

Перевод Наталии Роговской

Среди городов Ютландии Виборг пользуется заслуженной славой. Это центр епархии с красивым, хотя и почти заново отстроенным собором, чудесным садом, живописным озером и аистами, которых здесь великое множество. Неподалеку Хальд – едва ли не главная природная достопримечательность Дании; совсем рядом Финдеруп, где марск Стиг лишил жизни короля Эрика Клиппинга в День святой Цецилии в 1286 году. В семнадцатом веке могилу Эрика открыли, и на его черепе насчитали пятьдесят шесть отметин от ударов булавой с кубическим навершием… Впрочем, я не собираюсь писать путеводитель.

В Виборге есть отличные гостиницы, «Прейслерс» и «Феникс», где вас обслужат по первому разряду. Но мой кузен, о котором пойдет речь, в свой первый приезд в Виборг остановился в «Золотом льве». С тех пор он туда ни ногой, и причина его устойчивой неприязни будет, наверное, понятна из последующих страниц.

«Золотой лев» – одно из немногих городских зданий, уцелевших во время разрушительного пожара 1726 года; огонь практически полностью уничтожил собор, приходскую церковь, ратушу, да почти все, что было здесь древнего и замечательного. Гостиница сложена из красного кирпича, вернее, у нее кирпичный фасад с высоким ступенчатым щипцом и каменной плитой с названием над входом; но двор, куда заезжает омнибус, черно-белый, фахверковый – дерево и штукатурка.

Когда кузен направился к парадным дверям, импозантный фасад, целиком освещенный вечерним солнцем, предстал перед ним во всей красе. Кузен пришел в восторг от духа седой старины, которым на него повеяло, и заранее поздравлял себя с приятнейшим и несомненно занятным времяпрепровождением в этом «постоялом дворе», столь типичном для старой Ютландии.

В Виборг мистера Андерсона, моего кузена, привели дела, однако не в привычном толковании этого слова. Занимаясь изысканиями по истории датской церкви, он узнал, что в виборгском архиве хранятся спасенные из огня документы, относящиеся к последним дням католицизма в Дании. Он планировал провести в городе две, а то и три недели, чтобы внимательно все изучить и снять себе копии, и очень надеялся, что в «Золотом льве» найдется для него просторный номер, способный служить одновременно и спальней, и кабинетом. Он изложил свои пожелания хозяину гостиницы, и тот после некоторых раздумий предложил ему самому взглянуть на самые вместительные номера и выбрать один на свой вкус. Мистер Андерсон охотно согласился.

Верхний этаж почти сразу был отвергнут – гостю показалось, что после целого дня трудов слишком высоко взбираться по лестнице будет утомительно; на третьем этаже комнаты нужного размера не оказалось; зато на втором было на выбор сразу две или три, все более чем пригодные.

Хозяин настоятельно рекомендовал номер 17, но мистеру Андерсону не понравилось, что окна смотрят на глухую стену соседнего дома и во второй половине дня в комнате будет темно. Номер 12 или номер 14 куда как лучше, рассудил он, – оба выходят на улицу, и даже если здесь немного шумно, с этим можно мириться ради прямого вечернего света и приятного вида из окна.

В конце концов выбор пал на номер 12. Как и в номерах по соседству, там было три окна, все по фасадной стене, отчего комната казалась необычайно вытянутой в длину, но, к счастью, потолок был высокий. Камин, разумеется, отсутствовал, зато имелась красивая, более или менее старинная чугунная печка; сбоку от нее висела картина с жертвоприно-

шением Исаака Авраамом и с надписью вверху: «I Bog Mose, Cap. 22»[1]. Больше в комнате ничего замечательного не было, за исключением неплохой цветной гравюры, примерно 1820 года, с видом города Виборга.

Близилось время ужина, и Андерсон, совершив положенное омовение, спустился вниз; до гонга оставалось еще несколько минут. От нечего делать он принялся изучать список постояльцев. По датскому обычаю, имена записывались мелом на большой грифельной доске, расчерченной на столбцы и строки; в начале каждой строки краской был вписан номер комнаты. Список имен не особенно впечатлял. Один адвокат, или *сагфёрер*, какой-то немец да коммивояжеры из Копенгагена. Единственное, что давало некоторую пищу для размышлений, это отсутствие в перечне комнат тринадцатого номера; но и в этом наблюдении большой новизны не было – с подобным Андерсон уже не раз сталкивался в датских отелях. Интересно, подумал он, действительно ли предубеждение против злосчастного числа, хоть и общеизвестное, настолько широко укоренилось, что комнату с таким номером сдать затруднительно, и он решил напрямик спросить здешнего хозяина, часто ли ему самому или кому-то из его собратьев по профессии приходилось сталкиваться с отказом гостя селиться в тринадцатом номере.

Он ничего не рассказал мне (а я излагаю историю в точности так, как услышал от него) о своих впечатлениях от ужина, упомянул только, что вечером распаковывал и раскладывал вещи, книги и бумаги, но это малоинтересно. Ближе к одиннадцати Андерсон собрался было лечь в постель, однако тут вышла маленькая заминка. По примеру многих других в наши дни, мой кузен взял себе за правило читать перед сном и свято верил в то, что без нескольких страниц печатного текста ему ни за что не уснуть, а нужная книга – которую он читал в поезде и заменить которую никакая другая, конечно же, не могла, – осталась, как назло, в кармане пальто, на вешалке перед входом в столовую.

Сбегать вниз за книгой было минутным делом, и поскольку света в коридорах хватало, он без труда нашел дорогу назад, к собственной двери. Так он считал, по крайней мере, пока не повернул ручку и не толкнул дверь: она упрямо не хотела открываться, и он с удивлением услышал, как кто-то словно бы метнулся к ней изнутри. Все ясно – он просто ошибся. Где же его комната – правее, левее? Он взглянул на номер и увидел: «13». Следовательно, его комната должна быть слева. Там она и была. И только позже, когда он улегся в постель, и прочел свои вожделенные три-четыре страницы, и задул лампу, и повернулся на бок, его вдруг осенило: стало быть, вопреки тому, что на гостиничной доске внизу номер 13 не значится, комната с таким номером в гостинице определенно есть! Он даже пожалел, что сам не занял ее. Возможно, он оказал бы небольшую услугу хозяину, дав ему в будущем шанс с полным основанием ссылаться на почтенного английского джентльмена, который три недели жил в тринадцатом номере и остался весьма им доволен. Впрочем, не исключено, что комнату использовали как помещение для слуг или для каких-нибудь хозяйственных нужд. Скорее всего, она не такая просторная, как его нынешний номер. И он сонным взглядом обвел комнату, довольно хорошо различимую в полусвете от уличного фонаря. Странная вещь, подумал он, при тусклом освещении комнаты обычно кажутся больше, чем при ярком, а эта как будто сжалась в длину и на столько же выросла в высоту. Чудеса, да и только. Но ему пора было спать, а не строить догадки, и он уснул.

На следующий день Андерсон пошел в атаку на местный архив. Встретили его, по датскому обыкновению, очень радушно, и все, чего бы он ни пожелал, готовы были предоставить ему без лишних проволочек. Разложенные перед ним документы превзошли самые смелые его ожидания. Помимо множества официальных бумаг, здесь была увесистая связка писем – вся сохранившаяся переписка последнего в стране католического епископа Йор-

[1] I Книга Моисеева (Бытие), гл. 22 *(дат.)*.

гена Фриса, из которой можно было извлечь массу любопытных и, как еще выражаются, «интимных» подробностей жизни и личности датского прелата. Судя по письмам, в городе тогда только и говорили что о некоем доме, которым епископ владел, но в котором сам не жил. Жилец же явно пользовался дурной славой и стал костью в горле местных церковных реформистов. Он порочит наш город, возмущались они, он совершает тайные богопротивные ритуалы, он продал душу врагу рода человеческого. И если этот змей и упырь, этот трольман пользуется покровительством и кровом епископа, то в какую же зловонную яму скверны и суеверия скатилась Вавилонская церковь! Епископ оказался не из пугливых и за словом в карман не лез. По его уверениям, он и сам сурово порицал колдовство и прочую мерзость и призывал своих противников вынести дело на рассмотрение надлежащего суда – церковного, разумеется, – дабы вызнать всю подноготную. Он, епископ, готов первый во всеуслышанье осудить магистра Николаса Франкена, если будут представлены доказательства его вины хотя бы в одном из тех преступлений, которые ему огульно приписывают.

Андерсон успел лишь бегло взглянуть на следующее письмо за подписью предводителя протестантской партии Расмуса Нильсена (рукописный отдел уже закрывался), однако ухватил его общий смысл, сводившийся к тому, что нынешним христианам римские епископы не указ и что епископский суд более не может и не должен служить надлежащей и компетентной инстанцией для разбирательства столь серьезного, столь тяжкого преступления.

Архив Андерсон покинул в сопровождении пожилого господина – директора этого достойного учреждения; по дороге они разговорились, и речь естественным образом зашла об упомянутых мной бумагах.

Герр Скавениус, главный архивариус Виборга, в общем и целом прекрасно осведомленный о вверенных его заботам документах, не был специалистом по периоду Реформации. Он с живейшим интересом выслушал рассказ Андерсона о его находках, заранее предвкушая удовольствие от грядущей научной публикации.

– Пресловутый дом епископа Фриса, – кстати заметил он, – большая загадка для меня. Ума не приложу, где он стоял. Я тщательно изучил топографию старого Виборга, но, на беду, в реестре епископских владений от 1560 года, который сохранился в нашем архиве почти полностью, именно раздела с перечнем его городского имущества и недостает. Ну да ладно. Может быть, удача мне еще улыбнется.

Немного «размяв ноги» (я теперь уже не припомню, где и как), Андерсон вернулся в гостиницу «Золотой лев» – поужинать, разложить пасьянс и лечь спать. По пути в свою комнату он вдруг сообразил, что так и не поговорил с хозяином про отсутствующий на доске номер 13 и что, прежде чем поднимать эту тему, неплохо было бы еще раз убедиться в наличии тринадцатого номера.

Исполнить задуманное было проще простого. Вот дверь, а вот и номер, все очевидно; больше того, внутри, за дверью, определенно что-то происходило: подойдя ближе, Андерсон услышал шаги и голоса – или голос. Правда, когда он на несколько секунд застыл на месте удостовериться в номере комнаты, шаги внутри замерли, явно у самой двери, и он невольно вздрогнул, услышав частое, с присвистом дыхание, – так дышит человек, пребывающий в крайнем возбуждении. Андерсон проследовал к себе в комнату и вновь изумился, насколько меньше она кажется теперь, чем тогда, когда он остановил на ней свой выбор. Он даже испытал легкий укол разочарования. Но, в конце концов, успокоил он себя, номер всегда можно поменять. И тут ему понадобилось достать какую-то мелочь (носовой платок, если не ошибаюсь) из дорожного саквояжа, который растяпа-носильщик поставил в самом неудобном месте – на шаткий трехногий табурет у стены в противоположном от кровати углу. Поразительная вещь – саквояжа нигде не было. Не в меру расторопная прислуга куда-то его убрала; значит, все содержимое переложено в шкаф. Нет, и там ничего, хоть лопни с

досады. Мысль о краже он тотчас же отмел. Такие случаи в Дании исключительно редки, дело скорее в недомыслии (это здесь как раз не редкость), надо будет поставить горничной на вид. Понадобившаяся ему вещица была не так уж важна для его комфортного существования, чтобы не подождать с этим до утра, поэтому он счел за лучшее не звонить и не беспокоить прислугу. Он подошел к окну – крайнему правому окну – и выглянул наружу, на притихшую улицу. Напротив высилось здание с большими участками голой, без окон, стены; ни одного прохожего, ночь, темень, почти ничего нельзя было различить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.